

УДК 811.1, 811.41, 811.51, 811.432.8/9

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСТРИБУЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В СУБСТАНТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

© Наилья Мингазова, Виталий Субич, Аида Фаттахова

MORPHOLOGICAL DISTRIBUTION OF THE CATEGORY OF NUMBER OF NOUNS IN THE LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURE

Nailya Mingazova, Vitaly Subich, Aida Fattakhova

The category of plurality of the surrounding reality has a complex realization in natural languages, involving all levels of language structure.

The article represents a comparative analysis of the main markers of the plural form of nouns in the languages of different structure and the subcategory of collectiveness (i.e. morphological layer of language structure), which belong to different language families: English, German, Persian (Indo-European language family); Arabic and Hebrew (Semitic family); Tatar and Japanese (Altai family) and Swahili (Bantu family).

Morphological distribution is represented both by transitive and interim unique indicators, which complicate and enrich the system of any language, and by universal markers common for all languages. This fact reflects the historical development of the languages under study, their specificity and the uniqueness of their cultural-historical contexts.

The rational perception of the morphological distribution of number can cause problems due to the variety of means of its verbalization in languages of different structure and the asymmetrical organization of their grammatical structure (synthetism, analytism, prefixation, suffixation, outer and inner inflexion). In the Japanese language and Swahili, we can see the archaic understanding of plural quantities, which is interpreted in terms of qualitatively inhomogeneous complexes of objects united by common features (animals, cylindrical objects, garments, etc.). The Japanese language possesses the system of numerable classifying suffixes, while Swahili has plural classes of nouns. Apart from the “pure” noun plural form, plurality in languages is expressed by the subcategory of collectiveness, which in the Japanese language, for instance, is used instead of the plural as the grammatical plurality is nonexistent in the Japanese language.

Consequently, the purpose of this work is to analyze morphological features of the plural category, pointing out similar and different grammatical markers, and to determine the degree of transformation of the morphological variety of the plural form in the given languages.

The main research results are: universal markers are found in agglutination (all the languages) and inner flexion (Arabic, Hebrew, English, German, Persian). Unique features are prominent in the following languages: pure inner inflexion (Hebrew), replication (Japanese, Tatar), analytism (Germanic languages).

Besides, the following degrees of transformations of the morphological variety of plurality can be determined in the considered languages: a high level of transformation: agglutination – inner inflexion (English – German – Persian), inner inflexion – agglutination (Arabic – Hebrew); a medium level of transformation: agglutination – replication (Tatar), affixation – replication (Japanese), prefixation – agglutination (Swahili).

Keywords: category of quantity, agglutination, inner and outer inflection, reduplication, analytism, suppletion.

Категория множественности объектов материального мира вербализуется в естественных языках многообразно, охватывая все уровни языковой структуры.

В статье представлен сопоставительный анализ показателей множественного числа имен существительных разноструктурных языков и субкатегории собирательности (то есть морфологического яруса языковой структуры), принадлежащих к различным языковым семьям: английского, немецкого и персидского (индоевропейская языковая семья), арабского и иврита (семитская языковая семья), татарского и японского (алтайская языковая семья) и суахили (язык банту).

Морфологическая дистрибуция представлена как переходными и пережиточными уникальными показателями, осложняющими и одновременно обогащающими систему того или иного языка, так и универсальными для всех языков маркерами. Данный факт отражает особенности историче-

ского изменения исследуемых языков, своеобразие и уникальность их культурно-исторических контекстов.

Сложность рационального восприятия морфологической дистрибуции категории числа заключается в многообразии средств вербализации данной категории в разноструктурных языках, разной организации грамматической структуры: синтетизм, аналитизм, префиксация, суффиксация, внешняя и внутренняя флексии. В японском языке и суахили отражается архаичное представление о множественном количестве как о совокупностях качественно разных предметов, объединенных общими свойствами (животные, цилиндрические предметы, одежда и пр.). Так, в японском языке присутствуют счетные суффиксы-классификаторы, а в языке суахили – плюральные классы. Помимо «чистого» множественного числа существительных, множественность в языке выражается субкатегорией собирательности, которая, например, в японском языке заменяет формы множественного числа, так как множественное число отсутствует.

Следовательно, цель работы – проанализировать морфологические особенности категории множественного числа в указанных языках и выделить сходные и различные грамматические показатели, определить степень трансформации морфологического разнообразия категории множественного числа в рассматриваемых языках.

К основным результатам работы следует отнести тезисы о том, что универсальными чертами исследуемых языков являются: агглютинация (для всех языков), внутренняя флексия (арабский, иврит, английский, немецкий, персидский), а уникальными чертами являются внешняя флексия (иврит), редупликация (японский, татарский), аналитизм (германские языки). При этом можно определить степень трансформации морфологического разнообразия категории числа в исследуемых языках: высокий уровень трансформации: агглютинация – внутренняя флексия (английский – немецкий – персидский языки), внутренняя флексия – агглютинация (арабский – иврит); средний уровень трансформации: агглютинация – редупликация (татарский), аффиксация – редупликация (японский), префиксация – агглютинация (суахили).

Ключевые слова: категория количества, агглютинация, внутренняя и внешняя флексия, редупликация, аналитизм, супплетивизм.

Категория числа, отражающая количественные отношения между предметами, прежде всего связана с именами существительными. Она затрагивает все основные ярусы языковой структуры, а именно словарный состав, словообразование, морфологию и синтаксис.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ морфологической дистрибуции категории числа имен существительных в разноструктурных языках. Объектом исследования выступили флективные языки: немецкий, персидский (индоевропейская языковая семья: ИЯС); арабский, иврит (семитская языковая семья: СЯС) и агглютинативные языки: татарский, японский (алтайская языковая семья: АЯС), а также суахили (язык банту: ЯБ). Английский язык, несмотря на внешний флективный строй, имеет агглютинативные характеристики. Как отмечает И. В. Шапошникова, «... у немногочисленных продуктивных словоизменяемых суффиксов в современном английском языке, а это суффиксы *-(e)s* [s - z], *-ed* [t - d - ed]; *-ing* [in], просматривается агглютинативная техника в противовес распространенной во флективном древнеанглийском языке фузионной [Шапошникова, с. 27].

В английском языке (германская группа ИЯС) выявлены следующие способы образования форм множественного числа имен существительных:

- **агглютинативный** (в исконных словах: *-s/es*: *book – books* ‘книги’, *crash – crashes* ‘крушения’; *-en*: *ox – oxen* ‘быки’, *child – children* ‘дети’; в заимствованных словах: *-a*: *phenomenon – phenomena* ‘события’ (греческое заимствование), *datum – data* ‘исходные величины’ (латинское заимствование), *-i*: *cactus – cacti* ‘кактусы’ (латинское заимствование), *-ae*: *formula – formulae* ‘формулы’ (латинское заимствование); *-x*: *bureau – bureaux* ‘бюро’ (французское заимствование) и т. д.);

- **внутренняя флексия** (*tooth – teeth* ‘зубы’, *mouse – mice* ‘мыши’ и т. д.);

- **аналитизм**, который проявляется в показателе единичности – неопределенном артикле (*a pen* ‘одна ручка’ и т. д.);

- **супплетивизм** (*man – people* ‘люди’ и т. д.).

В родственном немецком языке (германская группа ИЯС) выявляется аналогичная картина:

- **агглютинативный** (*-e*: *derWeg– dieWege* ‘пути’; *-n/en*: *die Blume– die Blumen* ‘цветы’; *-er*: *der Geist – die Geister* ‘души’; *-s*: *das Sofa – die Sofas* ‘софы’; *-a*: *das Visum – die Visa* ‘визы’; *-i*: *das Solo – die Soli* ‘соло’; *-ien*: *das Fossil – die Fossilien* ‘ископаемые’ и т. д.);

- **внутренняя флексия** (*das Floss– die Flösse* ‘нити’, *die Kuh– die Kühe* ‘коровы’ и т. д.);

- **аналитизм** (*der Fehler – die Fehler* ‘ошибки’ и т. д.);

- **супплетивизм** (*der Mann – die Leute* ‘люди’ и т. д.).

Категория числа в **персидском** языке (иранская группа ИЯС) выступает как словоизменятельная морфологическая категория. Как указывает иранист Ю. А. Рубинчик, древняя трехчленная система числовых оппозиций единственное – двойственное – множественное число была заменена на бинарную систему противопоставлений – единственного и множественного числа [Рубинчик, с. 107]. Трехчленность числовой оппозиции показывает взаимосвязь категории числа персидского языка с данной категорией в арабском и иврите (СЯС), в которых сохраняется аналогичная оппозиция, как и в английском и немецком языках (ИЯС). Следовательно, основным показателем множественности является **агглютинация**: показатели иранского происхождения: **کتاب** [ketāb] – **کتابها** [ketābhā] ‘книги’, **استادان** [ostādān] – **استادان** [ostādān] ‘учителя’, **دانشجویان** [dāneshjuyān] – **دانشجویان** [dāneshjuyān] ‘студенты’, **برده** [barde] – **بردهگان** [bardegān] ‘рабы’; показатели арабского происхождения: так называемые правильное множественное число женского рода: **آت** [āt]: **تشكرات** [tashakkorāt] – **تشكر** [tashakkor] ‘благодарности’; правильное множественное число мужского рода: **روحاتي** [rowhāni] – **روحاتيون** [rowhāniyun] ‘лица духовного звания’ и его форма косвенного падежа: **معلمين** [mo’allemīn] – **معلمين** [mo’allemīn] ‘учителя’ и т. д. [там же, с. 108].

Распространенными способами образования форм множественного числа является **внутренняя флексия** как один из показателей арабских заимствований: **حالات** [hāl] – **احوال** [ahvāl] ‘состояния’ и т. д. и **субстантивация**, при которой слово присоединяет показатель арабского происхождения: правильное множественное число женского рода, например: **معلومات** [ma’lumāt] ‘известный’ – **معلومات** [ma’lumāt] ‘знания’ и т. д. [там же, с. 118].

В арабском языке (СЯС) наиболее распространенными способами образования форм множественного числа существительных являются:

- **внутренняя флексия**, выраженная ломаным множественным числом **رَجُلٌ** [radzulun] – **رِجَالٌ** [ridzaalun] ‘мужчины’ и т. д.)

- так называемые правильное множественное число мужского рода и правильное множественное число женского рода образуются **агглютинативным** способом: **مُعَلِّمٌ** [mu’llim] – **مُعَلِّمُونَ** [mu’llimuuna] ‘учителя’; **آت** [-āt]:

مُعَلِّمَاتٌ [mu’allimāt] – **مُعَلِّمَاتٌ** [mu’allimāt] ‘учительницы’ [Гранде, с. 360].

- встречаются и **супплетивные** формы: **إمرأة** [‘imra’a] – **نساء** [nisā] ‘женщины’ [Mingazova, Subich and Shangaraeva].

В иврите (СЯС) наблюдается похожая картина: **внутренняя флексия** (**ספרים** [səfər] – **ספרים** [sfarim] ‘книги’), **агглютинация** (**תלמידים** [im] – **תלמידים** [talmidim] – **תלמידים** [talmidim] ‘ученики’), **внешняя флексия** (**כיסאות** [ot] – **כיסאות** [kisə] – **כיסאות** [kisaot] ‘стулья’).

В татарском языке (тюркская группа АЯС) основным показателем изменения числа являются **агглютинативные** аффиксы: **-лар/ -ләр, нар / нәр: китап – китаплар** ‘книги’, **дәфтәр – дәфтәрләр** ‘тетради’; **уен – уеннар** ‘игры’, **жәен – жәеннар** ‘сомы’ и т. д. [Закиев, с. 37–42].

Одной из особенностей татарского языка является наличие парных слов, выражающих собирательность, которые образуются с помощью **редупликации**. Профессор Р. А. Юсупов указывает, что в татарском языке бытует значительное количество парных существительных, образованных из синонимических пар, второй компонент которых представляет собой устаревшее или диалектное слово: **савыт-саба** ‘посуда’ (**саба** в казахском языке и поныне означает специальную посуду для кумыса), **бала-чага** ‘детвора’ (**чага** в современном туркменском языке означает *ребенок*) и т. д. Среди них можно выделить парные слова арабо-персидского происхождения: **хәбәр-хәтәр** ‘вести-новости’, **хәл-әхвәл** ‘состояние, настроение’, **кәеф-сафа** ‘веселье, утеха’ и т. д. Отдельную группу составляют парные слова, образованные из антонимических пар: **ата-ана** ‘родители’ и т. д. [Юсупов, с. 133–141].

В японском языке (группа языков дальнего востока АЯС) грамматическая категория числа отсутствует и проявляется только в категории собирательности, которая выражается **аффиксацией**: **問題** [mondai] ‘a problem’ – **諸問題** [shomondai] ‘problems’; **学生** [gakusei] ‘a student’ – **学生たち** [gakuseitachi] ‘students’ и т. д. и **редупликацией**: **人** [hito] ‘a man’ – **人々** [hitobito] ‘men’ и т. д. [Subich, Mingazova and Shangaraeva].

В отличие от японского языка, парные слова, образованные редупликацией как показателем собирательности, в татарском языке образуют формы множественного числа агглютинативным способом: **хәл-әхвәл – хәл-әхвәлләр** ‘состояния, настроения’ и т. д. В данном примере можно наблюдать явление, похожее на персидское двойное множественное число, так как второй компонент данного парного слова арабского

происхождения *axwal* имеет форму ломаного множественного числа.

Языки банту находятся на начальном этапе процесса обособления категории числа в самостоятельную категорию в результате уменьшения количества плюралных классов и унификации выражения числа. Исследователи Н. В. Громова и Н. В. Охотина отмечают, что в языке суахили «имя существительное формально манифестирует согласование зависимых от него слов (прилагательных и местоимений), в том числе и глагола...» [Громова, Охотина, с. 86]. Следовательно, лексико-грамматическая категория числа пронизывает в языке суахили часть изменяемой группы частей речи, которая включает слова с выраженной морфологической парадигмой: имена существительные, имена прилагательные (в разряд которых входят и количественные числительные согласно грамматическим и функциональным параметрам), местоимения, инфинитив, глаголы и инновационные наречия.

Имя существительное как лексико-грамматический разряд представляет собой систему именных (согласовательных) классов, которые определяют все грамматические корреляции зависимых слов в синтагме. Именные классы в языке суахили группируются с точки зрения их категориальных признаков, с учетом их грамматической и лексической семантики. Согласно данной группировке выделяют предметные, предметно-грамматические и грамматические именные классы. Насчитывается пятнадцать основных именных классов.

Первые одиннадцать именных классов, предметные и предметно-грамматические, интересны нам с позиции категории числа: шесть из них сингулярных и пять плюралных. В следующие чисто грамматические классы входят: 15-й класс – инфинитив, обладающий как именными, так и глагольными характеристиками, семантика данного согласовательного класса подразумевает отсутствие числа как грамматической категории; 16-й, 17-й, 18-й классы – локативные, для выражения пространственных отношений: грамматическая категория числа в них выражается имманентным префиксом, семантическая валентность которого погашается. Префикс 13-го согласовательного класса встречается крайне редко, и в результате классы 13-й и 7-й слились: исходное значение диминутивности послужило причиной поглощения 7-м классом 13-го диминутивного класса единственного числа. 14-й общебантуский класс не коррелирует по признаку числа, и после слияния 11-го и 14-го классов это стало частью характеристики 11-го класса [Громова, Охотина, с. 98].

Все предметные и предметно-грамматические классы имеют корреляцию по числу. Как указывают Н. В. Громова и Н. В. Охотина, «категория числа считается категорией словоформообразовательной, так как на уровне выражения она представлена словоформообразовательным элементом – префиксом» [там же, с. 100].

Различие между сериями именных классов объясняется:

1. наличием имен групп *singularia* и *pluralia tantum*;
2. различными историческими напластованиями и «затемнением» семантических основ;
3. тенденцией к обособлению числа в самостоятельную категорию, так как раньше категория числа была неотделима от категории класса.

Категория числа в языке суахили не является единообразной категорией. Имена существительные классов единственного числа (1-й, 3-й, 5-й, 7-й, 9-й) не имеют единого для всех них показателя множественного числа, но каждому данному классу соответствует класс множественного числа (2-й, 4-й, 6-й, 8-й и 10-й). 11-й класс выделяется в особую группу, которая в отношении категории числа не представляет собой единство: часть лексического состава имеет абстрактное значение, не образует формы множественного числа и объединяется в группу *singularia tantum* (то есть употребляется только в единственном числе), часть лексики образует множественное число либо по нормам 10-го класса, либо 6-го класса.

Следовательно, слова 1-го класса, которые представляют собой класс одушевленных имен существительных (названия людей и живых существ) образуют множественное число с помощью префиксов-показателей 2-го класса, а именно заменой префикса *m-* на *wa-* и *mw-* на *wa-* или *w-*: *m-kulima* – *wa-kulima* ‘крестьяне’, *mw-alimu* – *wa-alimu* или *w-alimu* ‘учителя’ и т. д. Слова 3-го класса, который определяется как класс «деревьев», коррелируют по числу с 4-м классом, префикс *mi-* которого является единственным, не имеющим фонетически мотивированных вариантов: *m-ti* – *mi-ti* ‘деревья’, *mw-aka* – *mi-aka* ‘годы’ и т. д. Слова 5-го предметно-грамматического класса, образованного как результат контаминации 5-го предметного и 21-го аугментативного классов, обычно определяются как обозначения круглых или овальных по форме объектов, образуют формы множественного числа посредством префиксов 6-го класса: *ji-cho* – *ma-cho* ‘глаза’, *gari* – *ma-gari* ‘машины’ и т. д. При обозначении собирательности префикс-показатель 6-го класса *ma-* оформляет слова, обозначающие жидкости, действия / состояния, ряд названий болезней,

номинации природно нерасчленимых веществ: *ma-ji* ‘вода’, *ma-futa* ‘масло, нефть’ и т. д. Слова 7-го класса – класса вещей с характеристикой диминутивности и пейоративности – образуют множественное число с помощью префиксов-показателей 8-го класса: *ki-ti – vi-ti* ‘стулья’, *ch-umba – vu-umba* ‘комнаты’ и т. д. Слова 9-го класса, определяющиеся как класс животных, но имеющие разнообразную семантику, коррелируют по числу либо с 10-м классом, в результате префиксы единственного и множественного чисел совпадают по форме: *ny-umba – ny-umba* ‘дом’, либо с 6-м классом: *pete– ma-pete* ‘кольцо’ и т. д. Многие имена существительные 7-го класса, составляющие обособленную группу, являются заимствованиями и не изменяются по числам: *n-jaa* ‘голод’, *kusi* ‘юг’ и т. д. [Fattahova, Mingazova]. Абстрактные имена существительные 11-го класса имеют только форму единственного числа. Большая группа имен существительных данной группы с разнообразной семантикой образует множественное число посредством префиксов-показателей 10-го класса: *w-akati – ny-akati* ‘времена’ и т. д. Грамматическая семантика 10-го класса передает значение грамматической категории множественного числа и может коррелировать более чем с одним классом единственного числа: наиболее систематическую оппозицию – регулярное противопоставление по числу – составляют 9-й и 10-й классы; 5-й класс коррелирует с 10-м классом в случае, когда показателем единственного числа 5-го класса является нулевая морфема. Особенностью грамматической семантики 10-го именного класса является то, что при корреляции с определенным количеством конкретно-предметных лексем 11-го именного класса она может передавать значение нерасчлененного множества: *n-devu* ‘борода’ и т. д. Оппозицию этим именам существительным в единственном числе составляют имена существительные со значением единичности из множества: *n-devu* ‘борода’ – *u-devu* ‘волосок из бороды’ и т. д. Поэтому происходит осмысление этих имен существительных 10-го класса как сложного единства и отнесение их к 9-му классу единственного числа.

Н. В. Громова и Н. В. Охотина подчеркивают, что «префикс *ma-* в современном языке суахили становится маркером множественного числа как грамматической категории имени существительного независимо от согласовательной модели. Четыре класса (1-й, 5-й, 9-й и 11-й) могут получать во множественном числе префикс *ma-* как обозначение множественности... дискретной в плане синхронии. Однако выбор именно этого класса... объясняется его имманентной семанти-

кой, включающей в себя значение *pluralia tantum*, с одной стороны, и значение аугментативности, с другой.... Выбор префикса *ma-* как показателя множественного числа для языков банту представляет собой универсальное явление [Громова, Охотина, с. 133–134].

Таким образом, можно определить степень трансформации морфологического разнообразия категории числа в исследуемых языках:

- высокий уровень трансформации: агглютинация – внутренняя флексия (английский – немецкий – персидский языки), внутренняя флексия – агглютинация (арабский – иврит);
- средний уровень трансформации: агглютинация – редупликация (татарский), аффиксация – редупликация (японский), префиксация – агглютинация (суахили).

Универсальными чертами являются агглютинация (для всех языков), внутренняя флексия (арабский, иврит, английский, немецкий, персидский).

Уникальные черты наблюдаются во внешней флексии (иврит), редупликации (японский, татарский), аналитизме (германские языки).

Список литературы

- Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка Суахили. М.: Наследие, 1995. 319с.
- Закеев М. З. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татарское книжное издательство, 1993. 397с.
- Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Изд.фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 600с.
- Шапошникова И. В. История английского языка: учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 508 с.
- Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. 254с.
- Mingazova N. G., Subich V. G. and Shangaraeva L. F. The verb-noun agreement in English and Arabic. Journal of Language and Literature. 2014. № 5(2). P. 43–50. DOI: 10.7813/jll.2014/5-3/8
- Subich V. G., Mingazova N. G. and Shangaraeva L. F. Gradability and intensification of the language quantity (on the materials of English, Russian and Japanese). Life Science Journal. 2014. № 11(6). P. 574–578. URL: <http://www.lifesciencesite.com> (дата обращения: 10.09.2015)
- Fattahova A. R., Mingazova N. G. Arabic Loanwords in Tatar and Swahili. Journal of Sustainable Development. 2015. Т. 8. № 4. P. 302–308. URL: <http://www.ccsent.org/journal/index.php/jsd/issue/view/1320> (дата обращения: 10.09.2015)

References

Fattahova, A. R., Mingazova, N. G. (2015). *Arabic Loanwords in Tatar and Swahili*. Journal of Sustainable Development, t.8, No. 4, pp. 302–308. URL: <http://www.ccsent.org/journal/index.php/jsd/issue/view/1320> (accessed: 10.09.2015). (In English)

Grande, B. M. (1998). *Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii. 2-e izd* [The Course of Arabic Grammar in Comparative-Historical Elucidation]. 592 p. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)

Gromova, N. V., Oxotina, N. V. (1995). *Teoreticheskaya grammatika yazyka Suaxili* [Theoretical Grammar of the Swahili Language]. 319 p. Moscow, Nasledie. (In Russian)

Mingazova, N. G., Subich, V. G. and Shangaraeva, L. F. (2014). *The Verb-Noun Agreement in English and Arabic*. Journal of Language and Literature, 2014, No. 5(2), pp. 43–50. DOI: 10.7813/jll.2014/5-3/8 (In English)

Rubinchik, Yu. A. (2001). *Grammatika sovremenogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Literary Persian Language]. 600 p. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. (In Russian)

Shaposhnikova, I. V. (2011). *Istoriya anglijskogo yazyka: uchebnoe posobie* [The History of the English Language: A Coursebook]. 2-e izd., stereotip. 508 p. Moscow, FLINTA. (In Russian)

Subich, V. G., Mingazova, N. G. and Shangaraeva, L. F. *Gradability and Intensification of the Language Quantity (on the materials of English, Russian and Japanese)*. Life Science Journal, 2014, No. 11(6), pp. 574–578. URL: <http://www.lifesciencesite.com> (accessed: 10.09.2015). (In English)

Yusupov, R. A. (1980). *Leksiko-frazeologicheskie sredstva russkogo i tatarskogo yazykov* [Lexical and Phraseological Means of the Russian and Tatar Languages]. 254 p. Kazan', Tatarskoe kn. izd-vo. (In Russian)

Zakiev, M. Z. (1993). *Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya* [Tatar Grammar. Vol. 2. Morphology]. 397 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

The article was submitted on 20.11.2015

Поступила в редакцию 20.11.2015

Мингазова Наиля Габделхамитовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
nailyahamat@mail.ru

Субич Виталий Глебович,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
s_vitaly1@mail.ru

Фаттахова Аида Ринасовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
gaidaf@mail.ru

Mingazova Nailya Gabelkhamitovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nailyahamat@mail.ru

Subich Vitaly Glebovich,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation
s_vitaly1@mail.ru

Fattakhova Aida Rinasovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation
gaidaf@mail.ru